

А.Г. Власенко

A.G. Vlasenko

**ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПЕРВОГО ЭТАПА ЗАГРАНИЧНОГО ПОХОДА
РУССКОЙ АРМИИ В 1813 г.**

**THE DEBATABLE PROBLEMS
OF THE FIRST STAGE OF THE FOREIGN CAMPAIGN
OF THE RUSSIAN ARMY IN 1813**

Статья посвящена двум центральным проблемам российской историографии кампании 1813 г.: являлся ли генерал-фельдмаршал светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский сторонником идеи Заграничного похода русской армии и кто руководил ею в период с середины декабря 1812 г. по середину апреля 1813 г. — император Александр I или Кутузов?

The article is devoted to two central problems of the Russian historiography of the 1813 campaign: was Field Marshal His Serene Highness Prince Kutuzov a supporter of the idea of a Foreign campaign of the Russian army and who led it in the period from mid-December 1812 to mid-April 1813? Emperor Alexander I or Kutuzov?

Ключевые слова: Заграничный поход русской армии 1813 г., Кутузов, Александр.

Keywords: The foreign campaign of the Russian army in 1813, Kutuzov, Alexander.

Среди многочисленных проблем современной отечественной историографии кампании 1813 г. выделяются две. Речь идет о том, являлся ли генерал-фельдмаршал светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский сторонником идеи заграничного похода русской армии и кто руководил ею в период с середины декабря 1812 г. по середину апреля 1813 г., когда в армию прибыл император Александр I. Вопросы принципиальные, без них нельзя по достоинству оценить и понять ни роль участников тех событий, ни самих действий и происшествий.

На сегодняшний момент тема отношения Кутузова к походу за пределы империи «остается дискуссионной»¹ и, «можно сказать, базовый вопрос приобрел принципиальное значение в нашей историографии, поскольку появились любители рассматривать контрфактические ситуации в истории. Ведь очень соблазнительно переиграть те или иные события в сторону альтернативы, которая устраивала бы исследователя, а не современников»². Ныне, помимо двух традиционных позиций, где одни отстаивают мнение о нежелании Михаила Илларионовича переносить военные действия дальше на запад (А.А. Смирнов³, Д. Ливен⁴, С.Н. Искюль⁵, В.С. Парсамов⁶), а другие стоят за противоположным (В.Т. Соглаев⁷, Н.А. Троицкий⁸, Л.Л. Ивченко⁹), образовалось третья во главе с В.М. Безотосным (К.Б. Жучков¹⁰, Н.А. Могилевский¹¹). Она обосновывается тем, что, хотя в ряде мемуаров и утверждается, что Кутузов выступал против дальнейшего похода, на этот счет «он ни разу официально ни в устной, ни в письменной форме не высказал своего мнения». Потому, замечает Виктор Михайлович, «трудно четко определить его позицию в этом вопросе». В то же время известна кутузовская «штабная военно-оперативная документация, подписанные им приказы о продвижении войск на территорию Европы»¹². Фактически автор, основываясь на более ранних своих размышлениях¹³, развил позицию Троицкого. Николай Алексеевич выражал сомнения в серьезности намерений полководца прекратить поход, используя слово «если»¹⁴.

Ключевым элементом и одновременно камнем преткновения в заданной теме выступает отношение авторов к воспоминаниям участников тех событий Р.-Т. Вильсона и А.С. Шишкова, ставших основным источником обоснования причисления Кутузова к противникам похода за пределы империи. Британский представитель при штабе Михаила Илларионовича в своей истории войны 1812 года приводит слова фельдмаршала во время очередной пикировки между ними: «Я отнюдь не уверен, что полное уничтожение императора Наполеона и его армии будет таким уж благодеянием для всего света. Наследие его не достанется ни России, ни какой-либо другой континентальной державе, но той, которая уже владеет морями и превосходство которой станет тогда непереносимым»¹⁵. Высказывания Вильсона подкрепляют диалогом Светлейшего с государственным секретарем Шишковым:

«Я. — Разрешите мое сомнение. Зачем идем мы за границу?

Он. — Для продолжения войны.

Я. — Зачем продолжать ее, когда она кончена? Можно ли предполагать, что Наполеон, пришедший сюда со всеми своими и европейскими силами, и сам, по истреблении всех его полчищ и снарядов, насилиу отсель ускакавший, может покуситься вторично сюда прийти?

Он. — Я думаю, что не придет. Довольно и одного раза быть так отпотчивану.

Я. — А сидя в своем Париже, какое может он сделать нам зло?

Он. — Нам конечно нет; но господство его над другими державами, Австриею, Пруссиею, Саксониєю и проч., останется тоже, какое доселе было.

Я. — Если мы идем освобождать их, то цель войны должна быть та, чтоб Наполеона свергнуть с престола; ибо, если в них самих не будет твердости, то он, и по замирении, рано или поздно снова возобладает над ними: честолюбивыя намерения его не престанут в нем пылать. Буде же предполагается вырвать из рук его Францию, то это, по многим причинам, не так легко; 1-е, Пруссия безсильна, поработчена; во многих ея городах и крепостях сидят Французы. 2-е, Наполеон женат на дочери австрийскаго императора и уже имеет от нее сына. 3-е, Саксонский король, по расчетам своим, или от страха, предан совершенно французскому двору. По всем сим обстоятельствам, может быть и самая победы наши не ободрят их столько, чтоб поднять оружие и вступить с нами в союз. И так, не будучи в них уверены, мы идем единственно для них, оставляя сгоревшую Москву, разгромленный Смоленск и окровавленную Россию без призрения, с новыми надобностями требовать от ней и войск и содержания их.

Он. — Да! Признаться должно, что этот великодушный наш поступок и ожидаемая от того слава сопряжены с немалым пожертвованием и великою отважностью.

Я. — Хорошо если предприятие наше увенчается успехами; но ежели, паче чаяния, мы, зашедши далеко, принуждены будем, прогнанные и с потерями, возвратиться назад, то, подняв опять Наполеона, не лишимся ли тех преимуществ, какие теперь над ним имеем? Не скажет ли Европа: они сравнялись, прогнали взаимно друг друга, и кто из них одержит верх — неизвестно?

Он. — Да. Это правда! Будущаго нельзя знать.

Я. — Для чего бы не остаться нам у себя в России, предлагая утесненным державам, чтоб они воспользовались удобностью случая освободить себя из-под ига Франции? Можно, если они ополчатся,

обещать им вспомоществование частью наших войск, как Павел I помогал Австрии, послав к ей Суворова с войсками, но не участвуя в том всем своим царством. Тогда, еслиб и последовали какие неуспехи, уважение других держав к могуществу России, особливо же низложением исполинских Наполеоновских сил приобретенное, ни мало бы чрез то не уменьшилось.

Он. — Я сам так думаю; но государь предполагает иначе, и мы пойдем далее.

Я. — Если и вы так думаете, то для чего же не настаите в том пред государем? Он, по вашему сану и знаменитым подвигам, конечно уважил бы ваши советы.

Он. — Я представлял ему об этом; но первое, он смотрит на это с другой стороны, которую также совсем опровергнуть не можно; и другое, скажу тебе про себя откровенно и чистосердечно: когда он доказательств моих оспорить не может, то обнимет меня и поцелует; тут я заплачу и соглашусь с ним»¹⁶.

Воспоминаниям противостоят синхронные документы. Обычно ссылаются на распоряжения Кутузова, появившиеся с 25 ноября 1812 г. В тот день он писал императору из Радошкевичей, чуть менее 150 верст от литовской столицы: «Хотя Главная армия на несколько дней и остановится около Вильны, но легкие войска корпусов графа Витгенштейна и армии адмирала Чичагова действовать будут за Неман (на территории Великого герцогства Варшавского. — *А. В.*). Во всяком случае за правило я себе поставляю не касаться границ Австрии... Но каковы поступки наши должны быть с Пруссиею, о том нужно было мне знать волю вашего императорского величества. Между тем если бы случась надобность войти в границы Пруссии, тогда сие безостановочно сделаю. Но и вступая в границы, есть разница в поступках против непосредственного неприятеля, или такого, который по несчастным обстоятельствам завлечен в сию войну».

Действительно, уже в первый день декабря 1812 г. главнокомандующему 3-й Западной армии адмиралу П.В. Чичагову было отправлено распоряжение: «Всем казачьим полкам, коим в подкрепление назначьте часть регулярной кавалерии и пехоты с артиллериею, прикажите, перейдя Неман, следовать за отступающим неприятелем, так чтобы казаки следовали бы за оным до самой Вислы, а пехота находилась бы от кор-де-баталь в двух маршах с частью регулярной армии». В рапорте императору в тот же день фельдмаршал сообщал, что как только к Главной армии придут подкрепления, она

двинется вперед, взяв «центральное положение около Гродно по направлению к Варшаве». На следующий день отдан приказ генералу от кавалерии М.И. Платову по «переходу неприятеля чрез Неман все казачьи войска, в команде вашей находящиеся, равно и те, которые в команде генерал-адъютанта Кутузова (Павел Васильевич Голенищев-Кутузов. — А. В.), должны следовать за неприятелем до самой Вислы»¹⁷. Речь шла о безостановочном движении русских войск через границу.

Однако европейская тема занимала Кутузова задолго до 25 ноября. Так, реагируя на письмо жены с присланной ею в его честь одой А.П. Буниной «На истребление Французов, нагло в сердце России вторгнувшихся», он писал 31 декабря: «Та строфа, на которую ты указываешь, тем неправильна, что я „весил Москву не с кровью воинов“, а с целой Россией, и с спасением Петербурга и с свободою Европы»¹⁸. Конечно, сию сентенцию можно отнести к сложившейся на момент написания ситуации, когда начиналось общее движение русских войск, включая и Главную армию, на запад. Но известен кутузовский приказ от 22 сентября к войскам, только расположившимся в Тарутинском лагере, о боевой готовности: «Приготовиться к делу, пересмотреть оружие, помнить, что вся Европа и любезное Отечество на нас взирают»¹⁹. В предписании генерал-лейтенанту графу П.Х. Витгенштейну, командовавшему русскими войсками на Полоцком направлении, фельдмаршал 15 ноября писал: «Главнейшая цель всех наших действий есть истребление врага до последней черты возможности, и потому не могу я еще решиться отделить вас со вверенным вам корпусом от того театра войны, где решительные удары неприятелю нанесены быть должны и от коих зависит, может быть, благоденствие не одного народа русского, но и всех народов Европы»²⁰.

И это не были только декларации, приятные на слух. Кутузов готовился к такому развитию событий. Подобно тому, как он берег Молдавскую армию в 1811–1812 гг. во время войны с Османской Портой от излишних потерь, так и после оставления Москвы вся его стратегия была нацелена на восстановление и сбережение Главной армии, ради чего он старался избегать крупных столкновений с неприятелем. В воспоминаниях герцога Евгения Вюртембергского есть упоминание о разговоре со Светлейшим, состоявшимся после окончания 6 ноября боев под Красным на Смоленщине. Полководец высказал ему квинтэссенцию своей стратегии: «Наши молодые горячие головы сердятся на старика, что он сдерживает их пыл,

но не думают, что обстоятельства уже сами по себе делают больше, нежели наше оружие. Мы не можем подойти к границе исхудавшими бродягами»²¹. Тот же взгляд Кутузова на ситуацию зафиксировал и его ординарец князь А.Б. Голицын: «Я желаю, чтоб существование большой нашей армии стало для Европы действительностью, а не химерою: хотя она и уменьшается во время похода, но месяц отдыха и хорошие квартиры снова ее поставят на ноги. Только это решит вопрос и привлечет Германию на нашу сторону»²².

На фоне многочисленных и, главное, бесспорных документальных доказательств планирования Кутузовым военных действий за пределами империи информация о его беседах с Вильсоном и Шишковым выглядит довольно блекло и недостоверно. Бросается в глаза, что британец, нещадно критиковавший Кутузова и договорившийся до того, что «фельдмаршал, как ни стар и ни дряхл, заслужит быть расстрелянным»²³, ничего подобного, приведенного им в истории войны 12-го года, об отношении Михаила Илларионовича к Англии не упомянул ни в своем дневнике, ни в текущей переписке. Что касается вопроса, хотел ли Кутузов добивать Наполеона или нет, как утверждал британец, на него есть ответ самого фельдмаршала. В письме супруге от 19–20 ноября Михаил Илларионович писал: «... Не могу сказать, чтобы я был весел, не всегда идет все так, как хочется. Все еще Бонапарте жив (о прорыве его через Березину. — А. В.)... Я вчера был скучен, и это грех. Грустил, что не взята вся армия неприятельская в полон...»²⁴ Жучков откровения британца считает фальсифицированными, а разговор с государственным секретарем вообще называет «апокрифом». Вместе с тем Константин Борисович, а также В.М. Безотосный, не отрицают возможности высказывания фельдмаршалом в частном порядке своего недовольства политикой Англии²⁵, подобно тому, как Троицкий не отказывал Михаилу Илларионовичу в приватной обстановке «поворчать о тяготах и ненадобности для России заграничного похода...»²⁶ Таким образом, сторонники продолжения Кутузовым войны не возражают против его возможности вести в той или иной форме беседы на актуальные темы, но и только.

Естественный ход событий вел фельдмаршала и его войска за пределы Российской империи, «существовала логика развития военных и политических событий... русские не могли застопорить победный марш и отказаться „добивать корсиканца“»²⁷. Наполеон покинул армию после Березинской катастрофы и отправился в Париж не для того, чтобы вести переговоры о мире. В конце марта 1813 г.

Кутузов писал своему родственнику Логину Ивановичу Голенищеву-Кутузову: «Я согласен, что отдаление от границ отдаляет нас от подкреплений наших, но ежели бы мы остались за Вислою, тогда бы должны были вести войну, какую вели в 1807 году. С Пруссиею союза бы не было; вся немецкая земля служила бы неприятелю людьми и всеми способами, в том числе и Австрия... Прости, мой друг, вот какие обстоятельства нами водили»²⁸. Те же самые причины, а кроме того, необходимость вывести из войны Великое герцогство Варшавское, привели к выдвиганию армии к Висле. На этом фоне спор о нежелании Кутузова переносить военные действия за границу носит схоластический характер, который отвлекал внимание историков, оказывая серьезное влияние на очень важную и совсем не искусственную проблему. Речь идет о реальном командующем после приезда в Вильно 10 декабря 1812 г. императора Александра I и до середины апреля 1813 г., когда фельдмаршал закончил свой земной путь.

Прибытие императора в штаб-квартиру Голенищева-Кутузова было обусловлено несколькими причинами, одна из них заключалась в том, что он им был крайне недоволен. Со времен отступления русских войск после Бородинской битвы государевых претензий накопилось множество²⁹. В декабре 12-го на первое место выходило намерение Михаила Илларионовича приостановить преследование неприятеля силами Главной армии. Император стоял на принципиально иных позициях. Отвечая 2 декабря на рапорт Кутузова от 25 ноября, он жестко указывал: «Положение дел нынешних требуют всех усилий к достижению главной цели, несмотря ни на какие препятствия. Никогда не было столь дорого время для нас, как при теперешних обстоятельствах наших, и потому ничто не позволит останавливаться войскам нашим, преследующим неприятеля, ни на самое короткое время в Вильне». Государь лишь разрешил придержать «небольшую часть войск, более других расстроенную...» И распорядился «прочим следовать непрерывно за неприятелем...»³⁰

Настрой, с которым император прибыл в Вильно, зафиксировал Вильсон. Во время конфиденциальной беседы с ним государь заявил: «Мне известно, что маршал не исполнил ничего из того, что должен был сделать. Он избегал, насколько сие оказывалось в его силах, любых действий противу неприятеля. Все его успехи были вынуждены внешнею силою. Он разыгрывает свои прежние турецкие фокусы, но московское дворянство стоит за него и желает, дабы он вел нацию к славному завершению сей войны. Посему

я должен (здесь Император умолк на минуту) наградить этого человека орденом Св. Георгия, хотя тем самым нарушу его статут, ибо это есть высочайшая награда в Империи... Но, к сожалению, выбора нет — надобно подчиниться вынужденной необходимости. Впрочем, теперь я уже не оставляю мою армию и не допущу несообразностей в распоряжениях маршала. Все-таки он старый человек, и я хотел бы видеть с вашей стороны подобающее ему почтение и не отвергать таковое, буде оно воспоследует от него самого. Я желал бы положить конец любым проявлениям недоброжелательства и встать с сего дня на новый путь — благодарности Провидению и милости ко всем»³¹.

Конечно, никто не может поручиться за полное соответствие высказываний императора о Кутузове в интерпретации британца, но они очень хорошо сочетаются с тем, что государь писал в личных посланиях фельдмаршалу, и с тем, что он публично высказал собранию генералов по приезду в Вильно: «... И как же вы думаете, господа, от наших ли ядер, нашею ли победоносною рукою сражены сии несчастные иноземные пришельцы? — и сам ответил на вопрос: „Конечно, вы этого на себя не возьмете“. И, указуя вверх, продолжал: „Следовательно, Ему лишь Великому в бранях предлежит эта победа. Господь Иисус есть только истинный Победитель и Освободитель родины от лютого врагов нашествия!“»³². С другой стороны, государь действительно наградил Михаила Илларионовича орденом Св. Георгия 1-го класса и подчеркнуто доброжелательно стал относиться к главнокомандующему. Это выражалось даже в таких делах, где император обычно не допускал компромисса. «Всякий день разводы, — сообщал Литовский военный губернатор генерал от инфантерии А.М. Римский-Корсаков министру внутренних дел, — Светлейшаго при сем не бывает...»³³ По мнению А.И. Михайловского-Данилевского, чиновника при штабе фельдмаршала, «без воли его ни к чему не приступали. Когда недуги не позволяли ему лично докладывать Императору по делам, Его Величество приходил к нему сам и, часто заставая не одетым старца, увенчанного лаврами, занимался с ним делами в его кабинете. Вообще император обращался с ним со всевозможным уважением...»³⁴

Иначе смотрел на отношения императора к полководцу А.П. Ермолов. Неутомимый ратоборец на ниве разоблачения скрытых смыслов, Алексей Петрович содействовал утверждению в умах, что, «оказывая постоянно высокое уважение Фельдмаршалу,

из совещаний с ним он (Александр I. — *А. В.*) заметил, что лета его, тяжелые чрезвычайно раны, труды и заботы последней кампании, ослабили в нем способности. Государь, желая продолжать его успокоение, оставил при нем громкое наименование Главнокомандующего и наружный блеск некоторой власти. В распоряжение армиями входил сам; о состоянии их, о средствах снабжения всеми потребностями, нужные сведения поручил собрать находившимся при его особе лицам...»³⁵

Скептицизмом генерала заразился Троицкий: «Теперь мы знаем, что „всевозможное уважение“ Императора к фельдмаршалу было чисто показным. Главный штаб уже возглавлял кн. П.М. Волконский. Дежурный генерал и правая рука Кутузова П.П. Коновницын был „спровожен в отпуск“, а на его место назначен полковник царской свиты Н.И. Селявин. Что касается К.Ф. Толя, оставленного в должности генерал-квартирмейстера, то он, естественно, старался услужить монарху еще ревностнее, чем фельдмаршалу». В главном же Троицкий разошелся с Ермоловым: «Дело не в том, что Александр I „принимал решения сам“, а в том, что любые решения, исходившие от Главного штаба или непосредственно от Кутузова, Царь контролировал и нацеливал их на форсированное наступление вслед за остатками „Великой армии“ Наполеона. Кутузов мог только ворчать: „Самое легкое дело — идти теперь за Эльбу, но как воротимся? С рылом в крови!“»³⁶

Однако такая трактовка подверглась корректировке. Безотосный, не порывая с мнением Троицкого, пришел к выводу: «Александр I вынужден был считаться с Кутузовым, но недовольный, во многом справедливо, его деятельностью, твердо решил взять под строгий контроль происходившие процессы. Тем самым главнокомандующий продолжал выполнять почетную функцию победителя Наполеона (что было очень важно для привлечения будущих союзников по европейской коалиции), но его роль оказалась уже несколько ограниченной. Но, без всякого сомнения, именно он оставался главнокомандующим»³⁷. Тем самым Виктор Михайлович перекинул своеобразный мостик к позиции Ливена: «Кутузов продолжал осуществлять командование и играть ведущую роль в области стратегического планирования, но уже под пристальным наблюдением императора и его наиболее доверенного помощника (имеется в виду князь Волконский. — *А. В.*)»³⁸. Его подправляет Жучков, который провел специальное исследование объема власти полководца в период с 19 ноября 1812 г. по 28 февраля 1813 г. и пришел к выводу, что «доля самостоятельности Кутузова

в руководстве военными действиями в целом составляла 90,8%». Он же обратил внимание на то, что у Александра I при прибытии к армии просто не было структуры, посредством которой тот «мог исполнять функции главнокомандующего». Вклад императора в общее дело, по мнению Константина Борисовича, касался материй стратегических, которые не входили в прерогативы Кутузова³⁹. Таким образом, за короткий период современная отечественная историография прошла путь от лишения Кутузова реальных полномочий главнокомандующего до возвращения ему почти всех его статусных прав.

Весьма любопытно, что ни один из историков в рамках данной темы не вспомнил о первой встрече Кутузова и Александра I в действующей армии в 1805 г. и не провел параллелей на этот счет, а они, на наш взгляд, весьма уместны. Ведь в обоих случаях парадоксальным образом сложилась схожая ситуация: в 1805 г. им противостоял «угнетенный», в 1812 г. разгромленный противник; и в том, и другом случае государь намеревался немедленно добить врага; и там, и там на его пути стоял его полководец, считавший, что надо повременить. В первом случае император просто игнорировал его, во втором — негодовал, имея на то множество причин. Все это накладывалось на одно существенное различие: удачливый генерал, сумевший осуществить невиданный для русской армии марш-маневр от Браунау до Ольмюца, превратился в человека, который очистил от неприятеля пределы империи.

Но достаточно ли было этого, чтобы Кутузов смог отстоять свой план ведения военных действий? Ведь, за Аустерлицкую операцию Михаил Илларионович получил весьма нелестные отзывы за то, что «не проявил ни твердости, ни смелости, чтобы настоять на своем мнении» перед императором, да и «настаивать на своем у него не хватило гражданской смелости»⁴⁰. Наиболее развернутой критики он подвергся в биографии Е.В. Анисимова о князе П.И. Багратионе. В ней Михаил Илларионович «не был ни целеустремленным и волевым, как Суворов... Кутузов принадлежал к совершенно иному типу людей — дипломатичных, уклончивых, бесконфликтных...», но «робость главнокомандующего была особым свойством, она проявлялась в отношениях с императором и двором. Он заботился о своем положении при дворе и дорожил мнением о себе государя, думая о своем благополучии и престиже... Словом, Кутузов, как типичный царедворец, не решился отстаивать свое вполне разумное мнение, а поплыл по течению, которое и привело русскую армию к одному из крупнейших поражений в ее истории»⁴¹.

С таким резюме в 1812 г. от Кутузова, обремененного старостью, болезнями, ранами и усталостью от тяжелейшей кампании, вряд ли чего-то можно было ожидать, кроме шишковского варианта общения полководца с императором: «тут я заплачу и соглашусь с ним». Тем более, что Михаил Илларионович находился под ударами двух различных групп критиков, которые обвиняли его, с одной стороны, в медленности в развитии операций, а другие — в излишней спешке, грозившей удалением от идущих резервов из глубины страны. Несмотря на это, в отличие от времен Аустерлица, военные действия продолжали осуществляться по разработанному Голенищевым-Кутузовым плану и тем темпом, который он считал возможным. Доказательством служит пауза, которую он дал Главной армии. По прибытию государя она не закончилась, а наоборот продолжилась, о чем свидетельствовал сам Александр Павлович. В письме от 16 декабря он писал в столицу председателю Государственного совета и Комитета министров князю Н.И. Салтыкову: «Слава Богу, у нас все хорошо, но несколько трудно выжить отсюда фельдмаршала, что весьма необходимо»⁴².

Лишь 25 декабря Кутузов сообщил дочери Елизавете: «мы оставляем Вильну и отправляемся в герцогство Варшавское, куда уже вступили несколько наших корпусов...»⁴³. В письме жене от 31 декабря он был более разговорчив: «Что касается до дел, (то — слово слегка зачеркнуто Кутузовым. — *Ред.*), вот что можно сказать: видимостей нет, чтобы дела военные испортились, ибо все делается осторожно; что-же касается до политических, то я, кажется, побожусь, что ничего еще такова не вздумали, чего бы не надобно было непременно»⁴⁴. То же мнение полководец выражает и в письме своему старому знакомому (с екатерининских времен) Д.П. Трошинскому 10 января, но смещает акценты на тех, кто противодействует: «По сию пору все еще благоприятствует; но беречься должно, чтобы не проступить. Опаснее всего софизмы теорические. По сию пору однакож Государь их остерегается. Сие зло размножилось в Европе, как шарлатанство в медицине, и все стремятся к тому краю, где надеются более легковверные»⁴⁵. И в тот же день жене: «Не бойтесь, мы далеко не забежим, я ведь не моложе стал...»⁴⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ивченко Л.Л. Кутузов: Историко-психологический портрет. М., 2022. С. 565.

² Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014. С. 400.

³ Смирнов А.А. Кутузов (Голенищев-Кутузов) // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 392.

⁴ Хотя он британский подданный, но являясь прямым потомком светлейших князей Ливен, оставивших заметный след в истории нашей страны, не чужой и нам, чему помогает им совершенное знание русского языка. Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 377: «Кутузов относился к подобной перспективе (освобождению Европы. — А. В.) без энтузиазма. Усталый, пожилой полководец чувствовал, что он выполнил свой долг по освобождению отечества. Освобождение Европы не являлось заботой России. Не один Кутузов думал подобным образом».

⁵ Искюль С.Н. Война и мир в России. СПб., 2017. С. 594.

⁶ Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идеи войны и мира в России начала XIX века. М., 2020. С. 290–291: «... Россия идет не завоевывать, а освобождать европейские страны от наполеоновского режима... Вопрос заключался лишь в том, надо ли это делать?» Кутузов и государственный секретарь А.С. Шишков были против».

⁷ Гуляев Ю.Н, Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк / под ред. проф. В.А. Дунаевского. М., 1995. С. 353.

⁸ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 329.

⁹ Ивченко Л.Л. Кутузов. С. 568: «Противоречие между Кутузовым и Александром, если и возникло, то в связи со сроками перехода границы всеми силами российских войск».

¹⁰ Жучков К.Б. Русско-французское противостояние в конце 1812 – начале 1813 гг.: [проблемно-историограф. очерк]. М., 2013. С. 23–26.

¹¹ Могилевский Н.А. От Немана до Сены: заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. М., 2012. С. 20–21.

¹² Безотосный В.М. Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт изучения коллективной биографии. М., 2018. С. 228.

¹³ Безотосный В.М. Все сражения русской армии 1804–1814 гг. Россия против Наполеона. М., 2012. С. 405–406.

¹⁴ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов. С. 329: «Если у Кутузова были сомнения в том, как рациональнее для России готовить заграничный поход, надо ли с ним спешить и нужен ли он вообще, то Александр I был настроен более чем решительно».

¹⁵ Вильсон Р.Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М., 2008. С. 196.

¹⁶ Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Т. I. Berlin, 1870. С. 167–168.

¹⁷ М.И. Кутузов. Документы. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 455, 493–494, 496, 499.

¹⁸ Архив князя М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. 1745–1813. Письма М.И. Голенищева-Кутузова к жене его Екатерине Ильиничне, рожд. Бибиковой. 1790–1813 гг. // Русская старина. Т. V. 1872. Май. С. 687.

¹⁹ М.И. Кутузов. Документы. Т. IV. Ч. 1. С. 351.

²⁰ Там же. Ч. 2. С. 392.

²¹ Мемуары герцога Евгения Вюртембергского. 1812–1828. М., 2022. С. 144.

²² Записка о войне 1812 года князя А.Б. Голицына // *Военский К.* Отечественная война 1812 года в записках современников (Материалы Военно-Ученого Архива). СПб., 1911. С. 80.

²³ *Вильсон Р.-Т.* Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995. С. 197.

²⁴ М.И. Кутузов. Документы. С. 416–417.

²⁵ *Жучков К.Б.* Русско-французское противостояние. С. 23, 25; *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. С. 400.

²⁶ *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 2007. С. 465.

²⁷ *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. С. 401.

²⁸ *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 469–470.

²⁹ 7 сентября в рескрипте императора Кутузову: «С 29 августа не имею я никаких донесений от вас. Между тем от 1 сентября получил я через Ярославль от московского главнокомандующего печальное извещение, что вы решились с армиею оставить Москву. Вы сами можете вообразить действие, какое произвело сие известие, а молчание ваше усугубляет мое удивление»; 17 сентября: «Не получая от вас самого 4-го числа сего месяца никакого сведения о происшествиях во вверенных вам армиях, не могу скрыть от вас как собственного моего по сему беспокойства, так и уныния, производимого сею неизвестностию в С.-Петербургской столице»; 2 октября: «Последние ваши рапорты от 20-го, и в течение всего сего времени не только что ничего не предпринято для действия противу неприятеля и освобождения сей первопрестольной столицы, но даже по последним рапортам вашим вы еще отступили назад... Вспомните, что вы еще должны отчетом оскорбленному отечеству в потере Москвы». М.И. Кутузов. Документы. Т. IV. Ч. 1. С. 253, 320, 431–432; 8 октября: реагируя на сокращение численного состава 1-й и 2-й армий император писал: «Чрезвычайное в людях уменьшение, без сомнения, произошло частью от действий военных; но не могу также не признать значительно тому причиною несоблюдение в армии строгого воинского порядка, отчего возникло пагубное для армии зло, называемое мародерством»; 9 октября: в ответ на известие о свидании Кутузова с генерал-адъютантом французского императора Ж. Лористона: «При самом отправлении вашем ко вверенным вам армиям из личных моих с вами объяснений известно вам было о твердое и настоятельное желание мое устраняться от всяких переговоров и клонящихся к миру сношений с неприятелем. Ныне же после сего

происшествия должен с тою же решимости повторить вам, дабы принятое мною правило было во всем его пространстве строго и непоколебимо вами соблюдаемо». М.И. Кутузов. Документы. Т. IV. Ч. 2. С. 52, 68; 30 октября «С крайним сетованием вижу Я, что надежда изгладить общую скорбь о потере Москвы, пресечением врагу возвратного пути, совершенно исчезла. — Непонятное бездействие ваше, после счастливого сражения 6 числа перед Тарутиным, чем упущены те выгоды, кои оно предвещало, и ненужное и пагубное отступление ваше после сражения под Малым Ярославцом, ибо вы имели всю удобность ускорить неприятеля его отступление под Вязьмою, и тем отрезать по крайней мере путь, трем корпусам Давуста, Нея и Вице-Короля...» Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-Ученого Архива Главного Управления Генерального Штаба. Отд. I. Т. XIX. СПб., 1912. С. 311.

³⁰ М.И. Кутузов. Документы. С. 504.

³¹ Вильсон Р.-Т. Дневник и письма 1812–1813. С. 107, 283.

³² Рассказы князя А.Н. Голицына. Из Записок Ю.Н. Бартенева // Русский архив. Кн. 2. 1886. № 5. С. 91.

³³ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. С. 400.

³⁴ Михайловский-Данилевский А.И. «Журнал 1813 года» // 1812 год. Военные дневники. М., 1990. С. 317.

³⁵ Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. I. 1801–1812. М., 1865. С. 277.

³⁶ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 470.

³⁷ Безотосный В.М. Российский генералитет эпохи 1812 года. С. 225.

³⁸ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 377.

³⁹ Жучков К.Б. Русско-французское противостояние в конце 1812 – начале 1813 гг. С. 27, 30, 51.

⁴⁰ Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов. С. 107; Безотосный В.М. Российский генералитет эпохи 1812 года. С. 254.

⁴¹ Анисимов Е.В. Генерал Багратион: Жизнь и война. М., 2009. С. 197.

⁴² Три письма императора Александра Павловича к его воспитателю князю Н.И. Салтыкову. 1812–1814 // Русский архив. Кн. 1. 1878. № 2. С. 153.

⁴³ Князь М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. 1745–1813. Письма к его дочери графине Е.М. Тизенгаузен // Русская старина. Т. X. 874. Июнь. С. 374.

⁴⁴ Архив князя М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского, (1745–1813) // Русская старина. Т. V. 1872. Май. С. 687–688.

⁴⁵ Попов А.Н. Записка Дмитрия Прокофьевича Трошинского // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1868. Т. 3. С. 16.

⁴⁶ Архив князя М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского, (1745–1813) // Русская старина. Т. V. 1872. Май. С. 688.